

Жун Цзюэ шагнул вперёд, наклонился над ним и с силой сжал ему шею.

— Только за те слова, что ты произнёс, когда я жёг перед тобой две благовонные палочки, я знаю: это не правда.

Горло Фан Ляочжи было сжато, дыхание затруднено, и он с трудом выдавливал слова.

— Ваше Величество, если вы хотите, чтобы я был кем-то, то пусть я буду этим кем-то.

Жун Цзюэ отпустил его, и Фан Ляочжи инстинктивно хотел вдохнуть полной грудью, но его губы тут же были перекрыты поцелуем Жун Цзюэ.

Поцелуй. Без причины, грубый и властный.

— Ты сказал, что можешь быть любовником, готовым на любые утехы, правда? — Жун Цзюэ отпустил его и прошептал ему на ухо.

Фан Ляочжи был ошеломлён этим поцелуем.

— Да. Но сейчас моё состояние действительно плохое, боюсь, что не выдержу и умру на кровати, это будет дурным предзнаменованием. Ваше Величество, позвольте мне восстановиться несколько дней, хорошо?

Жун Цзюэ поднял его на руки и отнёс к ложу, положив на него.

— Змеи не ядовиты, ты не умрёшь. Приведи себя в порядок и жди, чтобы служить мне. Хотя ты и не красавец, но зато шкура у тебя крепкая.

Фан Ляочжи сделал жест благодарности, но не смог произнести ни слова, просто обмяк на ложе.

Лин Чэ узнал от Цзюэ-эра, что император отправился в кабинет Шаньинь, и поспешил туда, ожидая у входа.

Когда Жун Цзюэ вышел невредимым, его сердце наконец успокоилось.

— Ваше Величество, всё в порядке?

Жун Цзюэ посмотрел на него с укором.

— Ты действительно считаешь его демоном?

— Я... — Лин Чэ замер, затем резко опустился на колени. — Тот человек мёртв, Ваше Величество, вы с трудом выбрались из этого состояния, нельзя снова погружаться в него. Произнося эти слова, он чувствовал, как сердце его колотится, боясь как огорчить Жун Цзюэ, так и вызвать его гнев.

Глядя на преданного слугу, стоящего на коленях перед ним, Жун Цзюэ тоже почувствовал неладное.

— Встань.

Лин Чэ выпрямился, но не поднялся.

— Ты снова собираешься умирать за свои убеждения? В прошлый раз тебе мало было? — Жун Цзюэ нахмурился.

— Ваше Величество, умоляю вас, не встречайтесь с ним. Вы не жалеете себя, но я жалею вас.
— Лин Чэ поднял голову, его глаза покраснели.

Жун Цзюэ молчал. Лин Чэ был абсолютно предан ему, даже если бы ему приказали умереть, он бы не колебался. Только он видел, как Жун Цзюэ погружался в отчаяние, как страдал. Теперь он стоял на коленях, умоляя, боясь, что Жун Цзюэ снова оступится.

— В прошлый раз, когда ты так его избил, ты тоже перенёс на него свою ненависть к тому человеку? — Жун Цзюэ протянул руку, чтобы помочь ему встать, но Лин Чэ продолжал стоять на коленях, и тогда Жун Цзюэ присел рядом с ним.

— Но он ведь не тот человек, Ваше Величество. — Лин Чэ не ответил прямо, но Жун Цзюэ уловил в его словах нотку признания.

— Лин Чэ, я не знаю, кто он. Возможно, я действительно сошёл с ума, постоянно представляя, что он — Ци Нин. Но, кажется, я перенёс на него всю свою ненависть, и мне стало легче, в жизни появилась какая-то надежда, она больше не кажется такой бессмысленной.

Лин Чэ смотрел в глаза Жун Цзюэ, слушая его, и в его взгляде на мгновение вспыхнул прежний блеск.

— Я обещаю тебе, что больше не позволю никому причинить мне боль. Вставай.

Лин Чэ поднялся.

— Ваше Величество, ваше слово — закон, я верю вам. Если у него будут дурные намерения, я тоже не оставлю его без внимания.

Жун Цзюэ собирался вернуться во дворец, но из-за того, что тому человеку в кабинете Шаньинь нужно было восстановиться, он задержался на несколько дней. Врач Лю в эти дни измерял пульс Жун Цзюэ, и тот, помимо вопросов о состоянии того человека, задавал вопросы, которые сильно удивили Лю Мянчжи. Например, существует ли лекарство, которое может изменить внешность или голос человека.

— С изменением голоса всё просто, раньше актеры во дворце могли научиться контролировать свой голос с помощью тренировок. Что касается изменения внешности, в мире бродят слухи, что в прошлом во дворце были случаи, когда люди использовали маски из человеческой кожи, чтобы избежать наказания, но я никогда не видел доказательств. — Лю Мянчжи проработал врачом во дворце сорок лет, изучил множество древних текстов, и если он говорит, что чего-то не видел, значит, это действительно редкость.

Жун Цзюэ махнул рукой, отпуская его, и образ Фан Ляочжи снова возник в его мыслях.

«Ци Нин, ты действительно не умер, изменил внешность и голос, чтобы найти меня? Но зачем? Ты же был готов умереть от руки Жун Мянэ, зачем ты вернулся?»

Прошло четыре года, и совсем забыть это было невозможно.

Тот человек лежал у него на груди, лениво греясь на солнце в резиденции принца.

— Жун-эр, почему ты такой красивый? Родинка на лбу — это родинка красоты, да?

— Ты тоже красив.

Они праздновали фестиваль фонарей, и тот человек с интересом разобрал большой фонарь у продавца, чтобы изучить его.

— Жун-эр, тот человек смотрит на меня, выколи ему глаза.

— ...Не шути так.

А ещё тот человек беззастенчиво дразнил Лин Чэ, проигрывая в бою, он щёлкал его по затылку, зная, что Лин Чэ не посмеет ответить, пока он рядом.

— Жун-эр, твой охранник такой глупый? Найди другого.

— ...Лин Чэ, не трогай его.

За последние полгода, вспоминая это, он чувствовал, как сердце его разрывается от боли. Человек, которого он так любил, в конце концов со слезами на глазах сказал ему, что вся их любовь была ложью.

Но сейчас тот человек в кабинете Шаньинь отвлек его мысли.

Сквозь боль он сказал:

— Возьми другую, не обожги руку.

Лежа на полу, переписывая сутры, он произнёс:

— Ваше Величество, не печальтесь.

В бреду он пробормотал:

— Жун-эр.

А проснувшись, первое, что он сказал, увидев его:

— Ваше Величество, вы проснулись, как себя чувствуете?

Если бы в его сердце не было вины, разве он мог бы помнить о том, чтобы позаботиться о его руке, даже когда его мучили? Разве что он пришёл добровольно, чтобы расплатиться.

Думая об этом, он не смог удержаться и, выйдя из комнаты, направился в кабинет Шаньинь.

Фан Ляочжи уже мог вставать и двигаться, он стоял у окна в кабинете Шаньинь, греясь на солнце, в руках у него была всё та же книга о военной стратегии, на этот раз он дошёл до конца.

— Добрался до раздела о контрразведке? — спросил Жун Цзюэ.

— Ваше Величество всегда появляется так тихо, что я не успеваю встать и поприветствовать вас. — Фан Ляочжи отложил книгу и опустил на колени перед Жун Цзюэ.

— Да, я хочу застать тебя врасплох, посмотреть, какие ты тут козни строишь.

— Ваше Величество, я не строю козни, у меня только искренние намерения.

— Поправился?

— Практически. Если Ваше Величество не может ждать, можно и сейчас.

— Хорошо. Раздевайся.

По приказу Жун Цзюэ Фан Ляочжи начал снимать одежду. Вскоре он был полностью обнажён.

Его тело было в ужасном состоянии, без намёка на красоту.

Различные шрамы и раны вызывали ужас.

Жун Цзюэ осмотрел это тело, оно не имело ничего общего с тем, что он когда-то держал в своих объятиях.

— Может ли человек действительно изменить свои кости и кожу?

— Ваше Величество, о чём вы? Моё тело испугало вас?

— Ты знаешь, что ты обращаешься ко мне, будто ты не слуга?

— Ваше Величество, как вам угодно, чтобы я обращался, так и буду. — Фан Ляочжи поднял голову, глядя в глаза Жун Цзюэ.

Жун Цзюэ молчал, лишь смотрел на него, с головы до ног.

Он хотел как следует его помучить, но при виде этого тела в нём возникло чувство жалости. Действительно, мой пятый брат был прав, я слишком мягок, у меня нет качеств императора.

Стиснув зубы, Жун Цзюэ всё же достал инструмент. Этот предмет, используемый знатными людьми столицы для усмирения непослушных любовников, вызывал ужас. Во дворце его использовали для наказания воров, и он внушал страх.

Это была пытка «Разрыв кишок». Небольшой нефритовый стержень толщиной в три пальца, обмотанный специальной нитью, которая расширялась при контакте с водой. Его вводили в нижнюю часть тела наказуемого, и нить начинала расширяться. Если наказуемый не признавался, через некоторое время нить прилипала к стенкам кишечника, и при извлечении она вырывала куски плоти, причиняя невыносимую боль.

Фан Ляочжи увидел это и невольно сглотнул.

— Испугался? Если хочешь что-то сказать, ещё не поздно. — Жун Цзюэ на самом деле испытывал отвращение к этому инструменту, держа его в руках, он чувствовал себя некомфортно.

— Пусть Ваше Величество развлекается. — Фан Ляочжи был непреклонен.

Услышав это, Жун Цзюэ рассердился.

— Раздвинь ноги.

Фан Ляочжи изо всех сил раздвинул ноги, Жун Цзюэ с силой ввёл пытку «Разрыв кишок» в его

тело.

Оказывается, он всё же боялся. Когда инструмент вошёл на ширину пальца, Жун Цзюэ уже видел, как его тело дрожит.

— Ты можешь попросить пощады. — Он снова дал ему шанс.

Фан Ляочжи закрыл глаза, изо всех сил сдерживая дрожь.

Жун Цзюэ ввёл инструмент глубже, нить уже коснулась стенок кишечника.

— Открой рот.

Таблетка была брошена в рот Фан Ляочжи.

Фан Ляочжи не знал, что это было, но через мгновение место, где находился инструмент, стало влажным, нить начала расширяться, и он начал тяжело дышать.

— Ваше Величество, что вы хотите узнать? — Фан Ляочжи наконец начал сдаваться.

— Ты знаешь, мне не нужно спрашивать.

— Я не тот человек, о котором вы думаете.

Жун Цзюэ резко дернул «Разрыв кишок», и орудие вышло, увлекая за собой куски плоти.

<http://bllate.org/book/16817/1564625>